

АЛЕКСАНДР
РЕКЕМЧУК

Старое
русло
Клязьмы

Рекемчук А.

Р 36 Старое русло Клязьмы: Рассказы, повесть, роман. — М.: Советский писатель, 1986. — 512 с.

Повесть А. Рекемчука «Время летних отпусков» впервые издана «Советским писателем» четверть века назад. Однако содержание этой повести, как и романа «Скудный материк» (оба произведения посвящены нефтяникам Севера), их напряженные социальные и нравственные конфликты остаются и поныне злободневными. В книгу вошли также лучшие из рассказов автора.

Р $\frac{4702010200-201}{083(02)-86}$ 122—86

ББК 84.Р7

АЛЕКСАНДР ЕВСЕЕВИЧ РЕКЕМЧУК
СТАРОЕ РУСЛО КЛЯЗЬМЫ

М., «Советский писатель», 1986, 512 стр.
План выпуска 1986 г. № 122

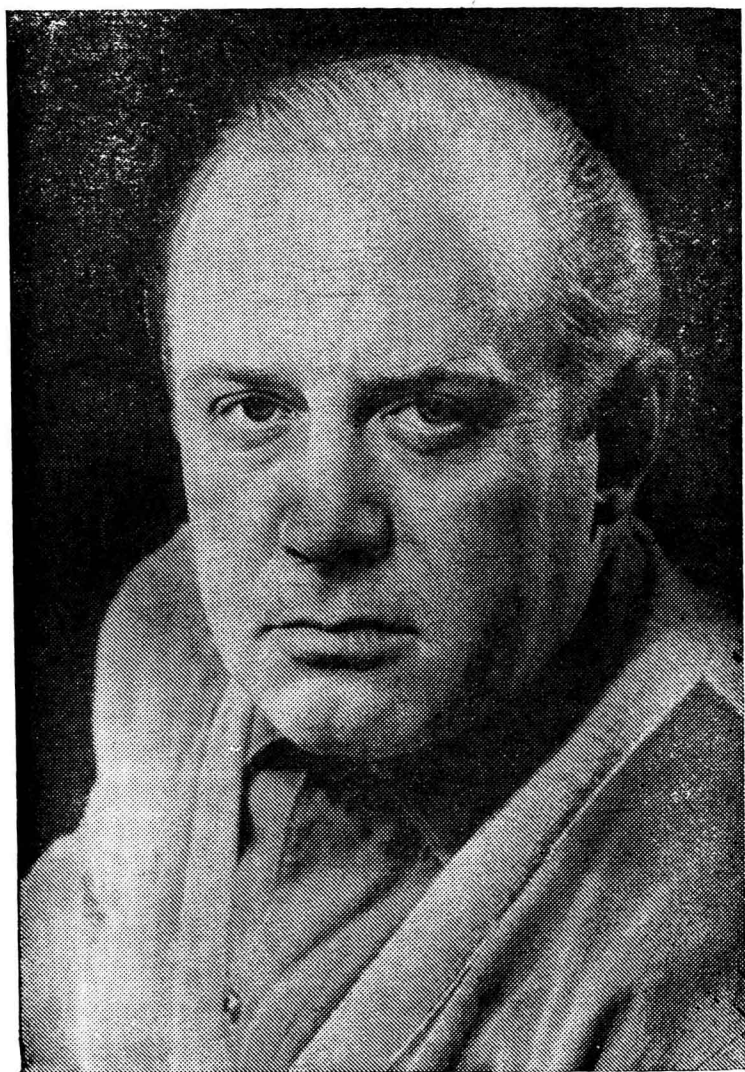
Редактор С. А. П а н а с я н
Худож. редактор Е. И. Б а л а ш е в а
Техн. редактор Л. П. П о л я к о в а
Корректор И. Ф. С о л о г у б

ИБ № 5547

Сдано в набор 31.05.85. Подписано к печати 29.04.86. А 03414. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 28,63. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1174. Цена 2 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

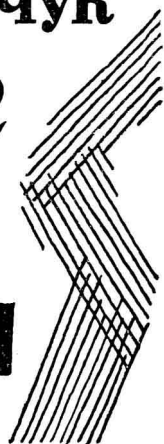
АЛЕКСАНДР РЕКЕМЧУК

СТАРОЕ РУСЛО
КЛЯЗЬМЫ

АЛЕКСАНДР
РЕКЕМЧУК

Старое Крусло Князюмы

Рассказы
Повесть
Роман

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник Геннадий Алимов

Р $\frac{4702010200-201}{083(02)-86}$ 122-86

© «Поцелуй Мерилин Монро», состав, оформление.
Издательство «Советский писатель», 1986 г.

Рассказы

ОЖИДАНИЯ

— Мне письма нет?

— Взгляну. Всех не упомнишь.

Конечно же Таисья Кобычева, усть-унынский почтовый агент, знала наперечет, кому есть, а кому нет, поскольку больше трех писем одной почтой сюда не поступало.

Но Таисья заметила, как порывисто — белым парусом — вздувается полотно на груди Александры Собяниной (бежала, что ли?), как по-детски раскрылись смуглые губы, как ее чернящие — не северной породы — глаза шарили по адресам.

И Таисья не торопилась: жди, больше ждала.

— Воинское. Без доплаты, — сказала Таисья и бросила на перегородку конверт с треугольным штемпелем.

Нежным облачком заволокло цыганские глаза звеньевой. Она взяла письмо, быстро разорвала конверт и пошла к двери, читая на ходу, ступая неверно и легко.

А в окошко Таисья видела, как Александра спускалась по ступенькам крыльца, потом шла по улице, потом по шаткому мостку — и все читала. Далеко виден белый листок в руках девушки...

Таисья дернула плечиком. Она по справедливости считала, что если пришло тебе такое письмо (знаем, что за письмо, и от кого — знаем!), то просто даже очень неприлично читать его на глазах у всей улицы. Иди домой и читай сколько хочешь. Хоть три раза.

А вообще о Шурке Собяниной один человек сказал: «Первая красавица на селе». Из нахальства добавил: «И единственная...» Так вот, если уж ты такая красавица и к тому же единственная, то води себя как положено и письмами не хвастайся.

Что же касается ее, Таисьи, то она, конечно, не кра-

савица (хотя, в общем, ничего), зато с характером. Она, Таисья, ни за что не стала бы читать письма на улице. Впрочем, получать писем ей еще не доводилось: родных нет — детдомовская она, сирота. Окончила семилетку, подучилась на курсах связи, послали в Усть-Унью. Теперь работает на почте, но сама писем не получает.

Что ж, говорят, повара не очень-то охочи поесть, а сапожники, как известно, в старое время ходили без сапог.

Когда Таисья все это обдумала, заверещал телефон. Она сняла трубку:

— Да-а... Я — Усть-Унья... Телеграмма? Пишу... «Верхнепечорска, сорок семь двенадцать...»

Записывая на бланке текст телеграммы, Таисья слышала, как заскрипели ступеньки крыльца, а потом краешком глаза увидела: вошел человек и стал у перегородки. Не здешний человек. Среднего роста, в брезентовой куртке, клетчатая рубашка, а на голове — девчачий берет. Бородатый. Кудрявая такая, не особенно длинная бородка. Стоит, дожидается чего-то.

— Вам что, гражданин? — спросила Таисья, повесив трубку.

Гражданин с бородкой облокотился на перегородку и сказал негустым баском:

— Здравствуйте. Я Самсонов, Роберт Афанасьевич.

— Очень приятно познакомиться, — сказала Таисья.

— Мне должен быть денежный перевод. Из Верхнепечорска. Пожалуйста...

— Никакого перевода нет.

— Как... Вы уверены?

— Говорю вам: нет ни одного перевода.

Человек с бородкой тяжело потоптался на месте, снял берет, отер платком лоб.

— Будьте добры, посмотрите получше. Мне обязательно должен быть перевод... Самсонов моя фамилия.

Таисья подернула плечиком, но все-таки достала с полочки тонкую пачку оставшейся корреспонденции и принялась ее не спеша перелистывать. И тут она скорее почувствовала, чем увидела, как порывисто задышал человек, стоявший у перегородки, как приоткрыл он рот, как вглядывался в письма, которые перебирала Таисья.

— Вам нет перевода, — заключила она и строго взглянула на человека с бородкой.

А он все стоял у перегородки, только брезентовые плечи его как-то опустились и голова поникла.

— Извините,— сказала Таисья,— однако мне нужно газеты разносить, и почта закрывается.

Человек покорно вышел на крыльцо. А Таисья повесила на дощатую дверь пудовый замок и сбежала по скрипучим ступенькам.

День был яркий, хороший. Прямо в лицо били лучи солнца, процеженные пернатым облачком. Влажным холодком обдавал ветер с Печоры. На взгорье густая зелень кедров перемежалась светлой зеленью берез, и вся эта зелень была свежа, как первый снег.

Телеграмму Таисья доставила в сельсовет. Открытку с надписью «Привет из Кисловодска» — бабке Туркиной, у которой дедка — объездчик заповедника — на старости лет повадился ездить на курорты: хоть на грязи, хоть на кумыс, — лишь бы бесплатная путевка. Извещение от «Книги — почтой» Таисья вручила Ефиму Давыдовичу, фельдшеру, и он опять стал божиться, что давно бы уехал из Усть-Уньи куда-нибудь поближе к культурным центрам, если бы мог увезти книги, которых у него набралось больше, чем в районной библиотеке.

Пачку газет Таисья отнесла в правление колхоза «Сила». В правлении, в самом углу, увенчанный снопами показательной ржи позапрошлогоднего урожая, сидел счетовод Бурмантов. Он первым делом схватился за районную газету, обследовал ее, пробежав взглядом столбцы, и сказал удовлетворенно:

— Порядок.

Это означало, что в данном номере газеты колхоз «Сила» никак не упоминался.

Налегке, чуть раскинув руки, сбежала Таисья по крутой тропе. Уродилась девушка длинноногая, с тонкими щиколотками, неширокими бедрами. Еще и красы — бронзовая прядка на лбу и короткий решительный нос.

Вот снова почта: стоит над берегом изба в три окошка. Крыша согласно печорскому уставу изогнута коромыслом. Крыльцо с петухами, резными столбами. А на ступеньке сидит все тот же человек, подоткнув кулаком бороду, растопырив сапоги. Видно, настырный товарищ.

— А вы ждете кого? — осведомилась Таисья. — Или просто так... загораете?

— Я денег жду, — глухо ответил человек. — Мне должен быть перевод из Верхнепечорска. Самсонову... Я в командировке, понимаете?

— Понимаю, — сказала Таисья. — Тут недавно тоже один командированный, из райзага, что ли, неделю вод-

ку пил. А как вконец пропился, на последний трояк пришел телеграмму подавать: «Высылайте двести под отчет...» Только никаких денег ему не прислали. На барже уехал.

Человек решительно встал. И только теперь, на свету, лицом к лицу, Таисья поняла, что человеку с бородой от силы лет двадцать пять. Ни бороздки на обветренном лбу. Скулы румяные, а глаза чисты. Очень чисты и в данный момент очень холодны.

— Знаете, а мне наплевать на этого вашего из райзага. Я из другой организации. И вообще...

Скулы Самсонова заалели еще ярче, он махнул рукой и опять уселся на ступеньку.

Сочувствие тронуло Таисьино сердце. Отпирая замок, она очень вежливо сказала:

— Рублей десять могу вам одолжить из своих. Или молока кипяченого, хотите?

Но тут же гневно сдвинула брови: Самсонов, услышав ее слова, как-то странно квохтнул, повалился на ступеньки и стал умирать от смеха. Даже крыльцо затряслось от этого хохота, а глаза, когда их открыл Самсонов, были полны веселых слез.

— Спятили? — поинтересовалась Таисья.

И вошла в избу. Самсонов зашел следом. Теперь, когда между ними оказалась дощатая перегородка, Таисья опять приняла вид строгий, а Самсонов посерьезнел. Он сел на скамью, расстегнул полевую сумку, добыл из нее какие-то бумажки и стал объяснять:

— Понимаете, я из партии. Геологическая, на Унье... Я везу керны. Это — как бы вам объяснить? — столбики пробуренных пород. В общем, камни. Двенадцать ящиков. Полтора километра везли на лодках. Теперь нужно грузить на пароход. И расплатиться нужно — за лодки, за погрузку. Люди на берегу ждут, им домой возвращаться... Из партии радировали в контору, чтобы перевели деньги сюда. Две тысячи. Телеграфом...

Таисья тихонечко присвистнула:

— Телеграфом? А где же он, телеграф, в Усть-Унье? Нету.

— То есть как? — заволновался парень. — Вы же при мне телеграмму принимали?

— Принимала. Так то телеграмма. От руки записать можно. А для телеграфного перевода нужен аппарат, который сам на ленту принимает. А его здесь нет.

— Значит...

— Значит, привезут ваш перевод парохомом, с почтой.

— А когда парохом?

— Ночью «Достоевский» вверх прошел, завтра утром здесь будет, сутки до Верхнепечорска, сутки с половиной обратно. Если на мель не сядет — спала вода...

Глаза Самсонова смотрели на Таисью с отчаянием, с укоризной, будто она, Таисья, была повинна в том, что нет в Усть-Унье телеграфного аппарата, а Печора рано обмелела.

— И ничего нельзя сделать? — спросил он тем тоном, которым спрашивают, когда ответ известен заранее.

— Ничего.

Самсонов встал и побрел к двери, забыв девчачий берет на скамейке.

Равнодушным взглядом проводила Таисья его ссутулившуюся, беспомощную спину. Но, увидев в окошке молодую физиономию, сердитую и хмурую, поросшую неюношеской бородой, Таисья второй раз прониклась сочувствием. Сердитых людей она предпочитала остальным и верила им больше, чем добрым.

— Алло! — забарабанила Таисья по стеклу. — Идите сюда! Сюда, говорю!..

Самсонов вернулся.

— Как фамилия начальника вашей конторы? — сдвинув брови, спросила Таисья.

— Солодов... А что?

— Ничего. Подождите.

Таисья крутнула ручку телефона и сняла трубку.

— Курья-а... Курья!.. Раечка? Здравствуй. Кедровка у тебя на линии? Соедини, пожалуйста... Ничего, все по-старому... Замуж? Ох, была нужда... Соединяешь? Алло, Кедровка... Кедровка-а!

По телефону Таисья разговаривала совсем иным голосом, чем обычно, — распевным, гнусавым. Вероятно, такой голос предписан всем телефонисткам специальной инструкцией. А сейчас, когда на линии должна была появиться Кедровка, в голосе Таисьи слышались зловещие нотки: вся Печора знает, что кедровская телефонистка — сушая язва.

— Кедровка? Соедините с Верхнепечорском... А я говорю — соедините!.. Ну и что с того, что не мое вре-

мя? Может, у меня землетрясение. И не выражайтесь на линии... Даешь? Ну, давай,— облегченно вздохнула Таисья и, прикрыв ладонью трубку, добавила: — Корова!..

Потом, не отрывая ладони, зашептала:

— Как учреждение называется? Номер телефона?.. Алло, Верхнепечорск? Девушка, дайте два тридцать четыре... Кто это? Товарищ Солодов? Из Усть-Уньи звонят, из агентства связи. Здесь ваш товарищ находится, Самсонов... Ну да, Самсонов! Ему за лодки расплачиваться, а деньги вовремя не перевели... Ладно, оправдываться перед ним будете. Слушайте, что я говорю. Созвонитесь сию же минуту с управляющим банка и председателем райпотребсоюза. Ясно?.. Внесите две тысячи рублей на счет райпотребсоюза. Понятно?.. Дайте заверенную телеграмму, записывайте текст: «Усть-Унья, магазин сельпо, Собянину. Выдайте две тысячи рублей Самсонову, имя и отчество...» Три подписи — ваша, председателя райпотребсоюза, управляющего банком. И гербовая печать. Запомнили? И сделать нужно сейчас же!.. Что?.. Почтовый агент Корячева. Привет!..

Таисья повесила трубку и откинулась к спинке стула. Бронзовая прядка свесилась на ее лоб, капельки пота выступили на носу.

Самсонов то ли изумленно, то ли с уважением разглядывал эту прядку, эти капельки и вообще всю ее, Таисью.

— Что же дальше? — наконец спросил он.

— А дальше мое дело маленькое. Будет телеграмма — приму. Не будет — целуйтесь со своим начальством. Деньги получите — с вас три шестьдесят, за трехминутный переговор.

— Спасибо, большое спасибо! — оживился Самсонов. — Я — к лодкам, уговорю ждать до утра...

И метнулся к выходу.

Эти лодки, а рядом с ними — груда ящиков, а рядом с ящиками — группа людей были хорошо видны Таисье из окна почты.

Она видела, как закатное солнце позолотило ящики. Видела, как они потемнели и стали такими же черными, как смоленные лодки. Как зажглись костры у лодок и сизый дым поплыл над водой...

И тогда Таисья решила прогуляться вдоль берега. Это никому не заказано после рабочего дня.

Она надела туфли, которые поновее, накинула на плечи платок с бахромой.

В кострах весело трещали замысловатые речные ко-
ряги. Сизый дым слоился и смешивался с клубами ту-
мана. Было ни темно, ни светло — июньская, ненастоя-
щая ночь.

У костров молча сидели огромные люди в кожаных
лазах и сапогах с раструбами — люди с заповедной
Уньи, прямые потомки новгородских ушкуйников. Рыба-
ки, следопыты и, по мнению районного прокурора, отпе-
тые браконьеры. Они заваривали в котле чай, запахом и
цветом напоминающий деготь, и пили его емкими круж-
ками. На Печоре такой напиток известен под названием
«чифир», и еще известно, что пить его человеку никак
невозможно, если он не родился на Илыче или
Унье.

Таисья шла по берегу, по сырому песку, зябко ежась
под платком.

Четкой тенью вырисовался на фоне огня человек, он
шагнул ей навстречу.

— Вы?

— Я, — ответила Таисья.

Самсонов пошел рядом. Должно быть, у своих сосе-
дей по костру перенял он немоту. А Таисье неохота на-
чинать разговор на холоде. Так они оба шли и молчали.
И только чуткие рыбы шарахались от берега, слышав
шаги.

Потом они сели на обсохшее бревно, у самой воды.
Самсонов долго раскуривал трубку и, закинув голову,
деловито глотал дым. А когда глотать ему надоело, за-
дал вопрос:

— Как вас зовут?

— Таисьей, — ответила она и еще туже закуталась в
платок.

— Таисья? Значит, Тая... Хорошее имя, — одобрил
Самсонов. — А меня родители называли Робертом. Глупо,
конечно. Но ничего не поделаешь.

— А жену вашу как зовут? — спросилась Таисья.

— Жену? А у меня нет жены.

— Понятно, — сказала Таисья. И заметила, что Сам-
сонов опять рассердился, как тогда, слушая о злоключе-
ниях пропившегося командированного.

— Пока не женат... Я геолог. Геологу не так легко
найти жену. То есть найти нетрудно, но не всякая под-
ходит на эту должность. Знаете, какая у нас работа!

Зимой — в поле, летом — в поле. Домой гостем заявляешься. Геологу нужна такая женщина, которая готова ждать подолгу. И всю жизнь так — ждать. Таких женщин, по-моему, мало.

... — Идите вы к черту, — поддержала разговор Таисья. — Любит ваш брат приbedняться — в поле, в море... А я думаю, что и геологи не лучше других мужиков. Ну, а женщины... Те ждать умеют. Некоторые умеют всю жизнь ждать... и ни до чего не дожидаться.

Самсонов помолчал, а потом опять стал высказывать свои соображения:

... — Главное в женщине — характер. Твердый характер... У вас, Тая, по-моему, характер есть.

... — Есть. А что? — Таисья с вызовом глянула прямо в лицо геологу.

Но тут дунул ветер, искры посыпались из самсоновской трубки, холодные капли — то ли с неба, то ли с реки — упали на лица. Таисья встала. И они пошли вдоль берега обратно.

Самсонов почему-то обиделся, смотрел в сторону, и Таисья решила повернуть беседу на иное:

— Зачем вам борода? Такой молодой — и борода.

— Видите ли, в полевых условиях бриться не с руки.

— А умываться с руки? Просто модничаете. Или от лени заросли по уши. Вы побрейтесь, хорошо?

— Хорошо, — заверил Самсонов и рассмеялся: — Придется заглянуть к верхнепечорскому парикмахеру. А у него прямо над зеркалом висит картинка: Иван Грозный убивает сына. Тебя бреют, а перед глазами — кровища сквозь пальцы!.. Ей-богу, страшно!

Засмеялась и Таисья. Даже лодочники, сидевшие у костров, обернулись на ее смех, нарушив обет невозмутимости.

Путь был окончен.

Капал редкий дождик. Таисья подставила каплям ладонь, подумала и сказала:

— Будете спать у меня. Что вам за радость — мокнуть? Идемте.

Таисья и жила в той самой трехконной избе, где помещалась почта. Она аккуратно застелила Самсонову узкую свою кровать, прикрикнула, когда он вздумал перечить, и вышла, захватив подушку с одеялом, в смежную комнату, оклеенную древними обоями, с перегородкой посредине.

Уже устроившись на скамейке, Таисья вспомнила, что на двери имеется крючок. Закреть, что ли? Нет, не надо. Вдруг потребуется человеку выйти.

Она прильнула щекой к подушке, зажмурила глаза и уснула.

И проснулась, когда молоточек громко зазвенел в чашечку телефона. Было синее утро. Пять часов.

— Да... — хрипловатым спросонья голосом отозвалась в трубку Таисья. — Усть-Унья... Телеграмма? Пишу... «Верхнепечорска, сорок восемь пятнадцать... Так... Магазин сельпо, Собянину...»

Самсонов уже стоял рядом. После сна он выглядел довольно смешно: борода сваялась, поперек лба — полоса. Он расчесывал гребенкой выпавшие от солнца жесткие волосы и разглядывал Таисью. Наверное, Таисья тоже выглядела смешно после сна. Потому что все проснувшиеся люди выглядят очень забавно.

Но они смотрели друг на друга и не смеялись.

— Вот... телеграмма, — сказала Таисья.

— Уже? — удивился Самсонов.

— Да. И сейчас пароход здесь будет.

— Сейчас? Так быстро?

— А чего же, — дернула плечиком Таисья. — Теперь, знаете ли, все быстро. Быстрое такое время.

— Очень быстрое, — горячо согласился Самсонов. И решил подробнее разъяснить свою мысль: — Как же иначе? Атомный век...

Таисья встала, резко двинула стул.

— Пора. Счастливо!

— Разве вы не придете на пристань?

— Не знаю. Будет почта — придется идти.

— Вот как? — сказал Самсонов. — Впрочем, конечно... Ну, спасибо!

И ушел.

А тут принесли заказное письмо, и Таисье — ничего не поделаешь! — пришлось идти к пароходу.

На берегу, как водится, собралось все село. Скачет детвора. Старые деды щеголяют в шерстяных чулках до колен и сверкающих галошах. Рука об руку — стеной — стоят тихие девушки.

«Достоевский» нарушил расписание и потому возразил против долгой погрузки. Сразу же по прибытии он дал длинный сигнал, присовокупив к нему для убедительности короткий,

Уньинские лодочники, в два шага меряя сходни, таскали ящики в темное чрево парохода. Вон тот, сухощавый, что нес первый ящик, уже взвалил на плечи второй. А груды на берегу будто и не убывает.

Самсонов стоит с блокнотом в руке, что-то черкает карандашом, сверяет с цифрами на ящиках, шевелит губами.

Длинный гудок. И два коротких. Люди обступили Самсонова. Он вынул из кармана рыхлую пачку денег и стал отсчитывать бумажки в малахай старшего. Долго отсчитывал. Наконец старшой водрузил шапку на голову, а все остальные приподняли малахай — дескать, не обижаемся, будьте здоровы!

В этот момент «Достоевский» стал гневно пыхтеть, лопасти колес зашуршали о прибрежную гальку. Долгий гудок. И три коротких.

Самсонов быстро оглядел людей, стоявших на берегу. Отыскал Таисью и решительно зашагал к ней.

«Спятели?» — хотела спросить Таисья. Но не спросила.

А он подошел и, вместо того чтобы заговорить, молча стоял перед ней.

— Пароход, — кивнула Таисья.

— Да, — сказал Самсонов. — Знаете, я кое-что хотел вам сказать. Я напишу из Верхнепечорска...

— Смотрите не забудьте.

Скулы Роберта заалели, брови грозно сошлись.

Тут «Достоевский», у которого, должно быть, лопнуло терпение, дал еще один долгий гудок и четыре коротких, не предусмотренных правилами.

Самсонов круто повернулся и, шлепая сапогами по воде, побежал к пароходу.

Распластав по ветру, впереди себя, лохматую бороду дыма, «Достоевский» вышел на уньинский плес. Он тут же свернул за излучину, и над низкорослым ельником поплыла белая труба с каймой.

Таисья отвела взгляд. На Печоре — волны. Уже в отдалении остроносые лодки чередой уходят в Унью.

Разбредается народ по своим делам. Пустеет берег. Тихо. Только поскрипывают, шумят соболей хвоей столетние кедры. Ярок день и холоден: где-то у горных подножий просыпался град. Студеный ветер летит с верховьев.

Таисья глотнула ветра, захлебнулась, положила руку на шею, на то горячее место, где смыкаются ключи-